

запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств 1980 г. к выше указанной Конвенции; Протокол III о запрещении или ограничении применения зажигательного оружия 1980 г. к выше указанной Конвенции; Протокол IV об ослепляющем лазерном оружии 1995 г. к выше указанной Конвенции.

Такой большой объем международных договоров закрепляет гораздо большее количество объектов защиты и охраны, посягательство на которые признается военными преступлениями, чем указано выше в соответствии с содержанием ч. 1 ст. 356 УК РФ. Анализ перечисленных документов позволяет выделить несколько видов военных преступлений, с учетом специфики которых можно определить наличие гипотетических (так как в норме они не закреплены) дополнительных объектов посягательства при их совершении.

К видам военных преступлений следует отнести:

1. Военные преступления, совершаемые в нарушение правового статуса покровительствуемых лиц (гражданское население, комбатанты, некомбатанты, военнопленные, раненные и больные в вооруженном конфликте; лица, потерпевшие кораблекрушение) и культурных ценностей, установленных международными договорами РФ. Например, пытки военнопленных, намеренное ограничение гражданского населения в получении основных продуктов питания, медицинской помощи; разграбление музеев и т. д.;

2. Военные преступления, совершаемые в нарушение установленных международными договорами РФ ограничений и запретов методов ведения военных действий. Например, использование военнопленных в боевых действиях вооруженными силами противной стороны; бомбардировка густонаселенных гражданских объектов и т. д.;

3. Военные преступления, совершаемые в нарушение установленных международными договорами РФ ограничений и запретов средств ведения войны. Например, минирование гражданских объектов при отступлении войск; применение боеприпасов, начиненных кусочками стекла и пластмассы и т. д.

Учитывая специфику совершения данных видов военных преступлений, перечень дополнительных объектов посягательства становится гораздо шире. В качестве таковых с учетом особенностей объективной стороны преступления следует рассматривать общественные отношения по: защите жизни и здоровья всех покровительствуемых лиц (а не только гражданского населения и военнопленных); защите таких прав и свобод человека, как свобода вероисповедания, свобода передвижения и проживания, право на проживание детей с родителями, право на частное имущество и др.; защите не только национального имущества, но и любого имущества, имеющего статус культурных ценностей.

В настоящее время, учитывая выше обозначенную бланкетность рассматриваемой статьи уголовного закона, перечисленные дополнительные объекты мы можем характеризовать только теоретически в качестве таковых. Для действительного их закрепления необходимо внести изменения в ст. 356 УК РФ и предусмотреть в качестве самостоятельных составов военных преступлений на основании предложенной классификации. Такой подход позволит объективно квалифицировать преступные деяния, совершаемые в условиях вооруженного конфликта и учитывать все объекты посягательства, а значит и степень общественной опасности преступления.

УДК 343.3

В.Р. Меерсон

О ДИСКУССИОННЫХ ВОПРОСАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОТДЕЛЬНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАКАЗАНИЙ (МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ, ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ И ЛЕЧЕНИЯ)

Современный Уголовный кодекс Республики Беларусь (УК) с момента вступления в силу до настоящего времени подвергался значительному числу корректив, заключающихся в декриминализации, либо, напротив, в установлении уголовно-правового запрета, редакции диспозиций, санкций и т. п. Однако до сегодняшнего дня в тексте Особой части УК распространены статьи, которых пока не коснулся законодатель, а если и коснулся, то их изменения носят характер скорее технический, уточняющий, существенно не влияющий на признаки соответствующего состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой. В определенной степени подобное суждение справедливо для специфической группы преступлений, содержащихся в гл. 34 УК, характеризующих общественно опасные посягательства на установленный порядок реализации мер уголовно-правового воздействия, а также некоторых мер процессуального принуждения. Следует акцентировать внимание на том, что осуществление правосудия и ключевой аспект данной деятельности – неизбежность и общеобязательность вступившего в силу принятого судебного решения – является одним из важнейших условий функционирования механизма государственных органов (динамика), равно и поддержания определенного паритета между иными ветвями власти (статика), а также внесение определенного баланса в дихотомию «государство – социум». Эффективность и действенность судебной власти (реализации судебных решений) гарантируется посредством отнесения возникающих отношений к объекту уголовно-правовой охраны. Значительная общественная опасность посягательств на обозначенный объект заключается в подрыве ключевых принципов построения современной государственно-властной системы, снижении роли права как социального регулятора. Неисполнение приговора суда (даже частичное исполнение) препятствует осуществлению задач и в этой связи детерминирует недостижение целей, провозглашаемых в рамках целого ряда отраслей права: уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного. Значимым является и тот факт, что сама система, в данном случае судебные, а также иные правоохранительные органы, являясь гарантами соблюдения и защиты правовых основ общества и государства, сами нуждаются в качественной уголовно-правовой охране.

Анализируя соответствующую специфическую группу преступлений (ст. 410–414 УК), следует отметить отдельные вопросы, касающиеся проблематики регламентации тех или иных составов преступлений.

Так, ст. 410 УК, предусматривающая уголовную ответственность за действия, дезорганизирующие работу исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, или арестного дома, имеет серьезное превентивное значение для лиц, содержащихся в указанных исправительных учреждениях. При этом вызывает некоторое недоумение неучет в УК мест содержания под стражей, функционирование которых также может подвергаться дезорганизирующему воздействию.

К квалифицирующим признакам одного порядка в ст. 410 и 411 УК отнесено совершение таковых преступлений лицами, осужденными за тяжкое или особо тяжкое преступление либо допустившим особо опасный рецидив, что представляется не совсем справедливым и обуславливает необходимость поправок путем дифференциации.

Изучая ст. 413 УК, предусматривающую ответственность за побег, следует отметить, что в ее диспозиции уже учтены места содержания под стражей, что в отличие от ст. 410 УК является позитивным аспектом. Но помимо этого думается, что побег из исправительной колонии в условиях поселения и побег из тюрьмы либо следственного изолятора различаются степенью общественной опасности. Обоснованной предполагается дифференциация уголовной ответственности исходя из вида соответствующего учреждения (условий режима).

При рассмотрении ст. 413 и 414 УК возникает определенный вопрос: не является ли побег из исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, арестного дома или из-под стражи, частным видом уклонения от отбывания наказания (уклонения от меры пресечения), отличающимся лишь повышенной общественной опасностью исходя из специфики объективной стороны? Более того, целью совершения побега (прямо не указанной в диспозиции статьи, но встречающейся в уголовно-правовой доктрине) является уклонение от отбывания наказания (содержания под стражей). Здесь целесообразнее говорить о наличии признаков побега в действиях лица, которому разрешен краткосрочный выезд за пределы исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, либо лица, осужденного к лишению свободы, которому предоставлено право выхода за пределы воспитательной колонии, заведомо покидающего территорию учреждения, чтобы облегчить возможность сокрытия, будучи за пределами учреждения, от правоохранительных органов. Таким образом, неоднозначной является тема оптимизации уголовного закона в рамках двух описываемых статей Особенной части.

Наряду с вышеизложенным в контексте путей развития ст. 413 и 414 УК необходимо упомянуть и меру пресечения в виде домашнего ареста. На данный момент мерой реагирования за нарушение меры пресечения в виде домашнего ареста выступает ее замена на содержание под стражей. Вместе с тем исходя из сущности этой меры пресечения при наличии обоснованного запроса со стороны правоприменительных органов может возникать вопрос о целесообразности криминализации уклонения от рассматриваемой меры пресечения. Анализируя новеллы уголовного законодательства, содержащиеся в Законе Республики Беларусь от 8 января 2024 г. № 349-З, обосновано следует учитывать перспективы развития принудительных мер безопасности и лечения в отношении лиц, страдающих педофилией. Имея в виду, что лицам, нуждающимся в продолжении лечения после отбытия наказания в виде ареста, лишения свободы, а равно осужденным к иным видам наказания или иным мерам уголовной ответственности, лечение от педофилии проводится по месту жительства путем принудительного амбулаторного наблюдения и лечения, а также с поправкой на дальнейшее формирование обозначенного правового института, обосновано следует рассматривать возможность включения в круг деяний, запрещенных уголовным законом, уклонения от соответствующих принудительных мер безопасности и лечения, осуществляемого лицом, страдающим расстройством сексуального предпочтения, не исключаящим вменяемости.

Применительно к основным составам, содержащимся в ст. 413 и 414 УК, в процессе гуманизации действующего уголовного законодательства, представляется возможным закрепить примечания, предусматривающие специальный вид освобождения от уголовной ответственности, при возвращении лица в соответствующее учреждение, обеспечивающее изоляцию от общества, в кратчайшие сроки.

С учетом вышеизложенного необходимо отметить вариативные дискуссионные направления развития регламентации уголовной ответственности за отдельные преступления против правосудия, которые могут повысить эффективность уголовно-правовой охраны соответствующих специфических общественных отношений в обозримых перспективах и текущих реалиях.

УДК 343

О.М. Мещерякова

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В БОРЬБЕ С ТРАНСГРАНИЧНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Стремительное развитие международных отношений открывает дорогу к безвизовым пересечениям границ и интеграции. Но данный процесс также становится причиной роста транснациональной преступности, угрожающей международной безопасности.

Для борьбы с международной преступностью в рассматриваемой сфере необходимо развивать международное сотрудничество между государствами, а также между государствами и международными организациями. Инструментом, позволяющим привлекать к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в одной стране и свободно перемещающихся в другую, где не действует юрисдикция того государства, на территории которого совершено деяние, является институт экстрадиции. Значение экстрадиции в борьбе с трансграничной преступностью многократно возросло по мере того, как государства стали либерализовать трансграничное передвижение лиц внутри интеграционных сообществ и в рамках двусторонних договоров о безвизовом режиме.